

А. Е. СУПРУН

К ИЗУЧЕНИЮ БЕЛОРУССКО-БАЛТИЙСКИХ ИЗОЛЕКС

За последние годы проблема белорусско-балтийских лексических сходжений стала привлекать повышенное внимание, что связано с общим повышением интереса к лексико-семасиологическим вопросам и вопросам языковых контактов в мировой лингвистике, с новыми подходами к постановке и решению проблем балто-славянских отношений, с усиленным накоплением лексического материала как по белорусскому, так и по балтийским языкам. Для специалистов, изучающих белорусский язык, особая актуальность этой тематики связана также с разработкой этимологического словаря белорусского языка.

Анализ белорусско-балтийской лексической проблематики показывает, что в изучении белорусско-балтийских лексических отношений на данном этапе полезно обратиться к анализу лексических сходжений, поставив перед собою в качестве цели не поиск заимствований, а исследование белорусско-балтийских изолексов (слов, обладающих общностью значения и звучания в белорусском и балтийском языках).

Недавно в Опшмянском районе Гродненской области было зафиксировано слово *зялёпаць* 'пищать (о цыплятах)'¹. Это, кажется, единственное славянское соответствие литовского *želpuoti* 'болтать'. Согласно мнению К. Буги, высказанному в „Аистических студиях“², это редкое литовское слово родственно санскритскому *jalpāti* 'бормочет, лепечет'; Э. Френкель воспроизводит данное мнение в своем этимологическом словаре без комментариев³. Хотя в словаре Ю. Покорного др.-инд. корень *jalp*, отмечаемый в ряде санскритских слов⁴, не рассматривается⁵, можно на основании данных трех индоевропейских языковых групп (славянское и, вероятно, литовское соответствия

¹ Слоўнік беларускіх гаворак Паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. — Мінск, 1980, т. 2, с. 335.

² Būga K. Aistiški studijai. — Pb., 1908, d. 1, p. 191.

³ Fraenkel LEW 1296.

⁴ См., напр.: Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. — М., 1978, с. 221.

⁵ Pokorny IEW 1 23.

не были известны Покорному) ставить вопрос о реконструкции и.-е. корня *g'hel-p- или *g'el-p- (наряду с отмеченным у Покорного *ghel-, *ghel-b(h)- 'кричать'⁶). Корень *g'hel- дан у Покорного со значением 'блестеть, мерцать' и 'желтый, серый, голубой, зеленый' (отражен, напр., в русском *зеленый*). Случаи синсемантизма звучания и свечения довольно часты, а потому не исключено, что в значении 'слабого говорения' выступал тот же корень, который был и обозначением 'слабого свечения'⁷.

Корень *ghel- 'кричать', видимо, представлен (с удлинением -p-) в бел. *жаланáцца* 'горланить', записанном в Кареличском районе в восточной части Гродненской области⁸. Белорусскому слову соответствует украинское *желіпати* (и однократное *желіпнути*) 'кричать, реветь'; примеры употребления слова даются в украинских словарях из произведений П. Мирного⁹, миргородца по происхождению. Ср. словенск. *žlabotáti*, *žlabráti* 'бормотать'¹⁰. Слово *жаланáцца* едва ли следует отрывать при рассмотрении от группы белорусских диалектных слов с общим значением 'еда': *жаланáць* 'пить'¹¹, *жолопáты* 'жрать; жевать'¹², *жалубáць* 'пить', 'есть'¹³ / зафиксированное в русских говорах Прибалтики *желубáть* 'есть (о животных)'¹⁴ является, вероятно, белорусизмом /. *Жаланáць* и подобные имеют соответствия и в других славянских языках: укр. *жолопáти* 'жрать', польск. *żlorác* 'пить (много; обычно о животных; презрит. — о людях)', словенск. *žlěbati* 'много пить'. В балтийских языках имеются близкие как в семантическом, так и в фонетическом отношении лексемы, соотносимые как со значением 'кричать', так и со значением 'есть, пить': лит. *žlèptelėti* 'ляпнуть, брякнуть (о речи)', лат. *žlebēt*, *žleberēt* 'бормо-

⁶ Pokorny IEW I 428.

⁷ Pokorny IEW I 429—431.

⁸ Крамко І. І. Мясцовыя словы адной прыняманскай гаворкі. — В кн.: Народнае слова. Мінск, 1976, с. 86; Крамко І. І. 3 лексікі в. Беражна. — В кн.: Жывое слова. Мінск, 1978, с. 70.

⁹ См., напр.: Словник української мови. — Київ, 1971, т. 2, с. 518—519.

¹⁰ Отметим, что М. Плетершник сравнивал словенские слова с нем. *schlabbern* 'болтать'. См.: Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. — Ljubljana, 1985, t. 2, s. 966—967.

¹¹ Сцяцко П. Дыялектны слоўнік. — Мінск, 1970, с. 56.

¹² Климчук Ф. Д. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, с. 33.

¹³ Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак. — Мінск, 1974, в. 2, с. 57—58; Рагавцоў В. І. 3 лексікі стрэшынскіх гаворак. — В кн.: Жывое слова. Мінск, 1978, с. 115; Лявочнык Н. М. Жменька матчыных слоў. — В кн.: Народнае слова. Мінск, 1976, с. 139; Бекіш В. 3 лексікі вёскі Кліманты. — В кн.: Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы. Мінск, 1960, с. 98.

¹⁴ Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. — Рига, 1963, с. 89.

тать'; лит. *žliaūbti* 'жрать, уплетать', лат. *žļebināt* 'жевать', 'неясно говорить'¹⁵. Праславянская реконструкция для названных славянских форм должна быть **želp-* или **želb-*. Индоевропейской основой для слов со значением 'есть, пить' должна быть, очевидно, **gel-* или **g^hel-* 'глотать'¹⁶. Но в балтийских языках такая основа должна была бы дать форму с заднеязычным; славянской формой с заднеязычным считают слова типа рус. *глотать, глотка*. В *жалубаць* и подобных ему имеет место, с одной стороны, удлинение **-p-/-b-*, а с другой — палатализация **g > *ž* перед передним гласным. Приводя славянские формы с заднеязычным, Р. Траутманн, однако, не дает балтийского соответствия¹⁷. Для значения 'кричать' вероятный индоевропейский корень уже указывался. Это **ghel-b(h)-*. Из балтийских Покорный в этом случае приводит лит. *gulbinti* 'хвалить, почитать'. Но балтийские формы с *ž*, приведенные выше, могут в данном случае объясняться как заимствования, скорее всего — славянские, поскольку в славянском имеется соответствие как формы, так и значения. Близкие формально факты представлены в западнославянском материале. В статье *žlorać* „Словаря польских говоров“ с тем же значением, что и заглавное слово, дано *žlepać*¹⁸. В „Поморском словаре“ Ф. Лоренца — Ф. Гинце в словарной статье *žlarpac* 'пить жадными глотками' дана форма *žlepe*¹⁹. Источником литовских и латышских слов, отражающих неполногласные сочетания, естественно должны были бы быть западнославянские, прежде всего польские. Однако в приведенных формах зафиксирован глухой *-p-*, в то время как в балтийских словах со значением 'есть' выступает звонкий *-b-*; кроме того, приведенные западнославянские формы имеют значение приема пищи, а не говорения, которое представлено в литовском и латышском словах. Следовательно, здесь необходим дальнейший поиск славянских этимонов балтийских заимствований, причем определенное влияние на развитие как значения, так и звучания этих этимонов мог оказать белорусский язык, где известны оба значения и оба типа согласных в соответствующих лексемах (в частности, именно в лексеме со значением приема пищи выступает *-b-*: *жалубаць*), а территория, где могло происходить заимствование, — это ареал белорусско-польско-балтийского взаимодействия.

¹⁵ Литовские примеры даются по словарю: Либерис А. Литовско-русский словарь. — Вильнюс, с. 875; латышские примеры приводятся по ME IV 816—817.

¹⁶ Pokorny IEW I 365.

¹⁷ Trautmann BSW 93.

¹⁸ Karłowicz J. Słownik gwar polskich. — Kraków, 1911, t. 6, s. 444.

¹⁹ Lorentz F. Pomoranisches Wörterbuch, fortgeführt von F. Hinze. — Berlin, 1973, Bd 3, S. 1185.

И. К. Белькевич приводит в своем диалектном словаре Восточной Могилевщины записанное в Краснопольском районе слово *жал* 'вред, ущерб': „*Жалу б не було, каб свой конь стравіў авёс, ато чужэй*“²⁰. Внешняя и семантическая близость указанного слова к слову *жаль* 'печаль, скорбь' (ср. рус. предикатив *жаль* 'досадно, печально') не должна заслонять совпадение слова *жал* с литовским *žalà* 'вред, ущерб', которое соотносится с лат. *zalba* 'вред, ущерб' и славянскими словами, родственными русскому диалектному (вологодск., владимирск., симбирск., московск.) *зóлѣть* 'досаждать, вредить'²¹. Связывая литовское и латышское слова, Э. Френкель тем самым снимает вопрос о заимствованном характере балтийского слова²², а потому при сходстве звучания и значения в литовском и белорусском надо говорить либо о заимствовании из литовского в белорусский, либо о параллельном развитии такого сходства. Последнее могло бы произойти, если бы белорусское *жал* возникло на базе того же корня, который представлен в *жаль*. Бессуффиксная модель могла бы быть продуктивной скорее в древний период, а потому целесообразен учет инославянских соответствий слова *жал*. Однако, насколько нам известно, в восточнославянских языках отмечается лишь лексема *жаль*, относившаяся к склонению на *-ī и имевшая первоначальное значение 'печаль, погребение'. Твердый вариант формы представлен у южных славян (болг., макед. *жал*, словенск. *žal*, серб.-хорв. *жао*), где он закономерно отражает старое *žalbь*. Сербскохорватское слово, выступающее ныне (как и русское) в значении 'жалко, досадно', в старой письменности встречалось в значениях, напоминающих нынешнее белорусское *жал*, но имело форму *жаль*: *наиманьшему не бисмо хотни жаль учинити*²³. Аналогичное значение представлено у лексемы *жаль* в западнорусских источниках XVI—XVII вв.: *оповедалъ жаль и кривду свою; внесль жаль свой, або рачей скаргу*²⁴. Как видно из приведенных старосербских и старозападнорусских примеров, здесь семантика не отрывается от исходного значения 'печаль', развиваясь в направлении не столько 'вред', сколько 'жалоба'. Между тем, значение в примере, приведенном у Белькевича, — 'вред, ущерб' — ближе к литовскому и латышскому. Таким образом, как в отношении формы, так и в отношении значения бел. *жал* 'вред, ущерб' оказывается в определенной мере изолированным в кругу славянского материала, но сближается с балтийскими примерами. Если и не считать его прямым литуанизмом, то все же нельзя отрицать возможность отра-

²⁰ Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік Усходняй Магілёўшчыны. — Мінск, 1970, с. 165.

²¹ Словарь русских народных говоров. — Л., 1976, вып. 11, с. 327.

²² Fraenkel LEW 1286.

²³ Б. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских. — Београд, 1863, 1, с. 330.

²⁴ Историчний словник українського языка. — Харків—Київ, 1932, т. 1, 2, с. 905.

жения в нем литовского влияния, хотя не исключено и автохтонное развитие как формы, так и значения бел. диал. *жал* 'вред, ущерб'.

Рассмотренные примеры белорусско-балтийских изолексов не только свидетельствуют о различных возможностях генезиса этих схождений, но и показывают, что в некоторых случаях семантика и форма изолексов отражают взаимовлияния и взаимодействия, которые характерны не столько для генетически родственных элементов, сколько для явлений, развивающихся в условиях контактных зон, в условиях, близких к тем, которые были присущи ситуациям языковых союзов.

A. GIRDENIS

DĒL VIENOS ŠIAURĒS VAKARŲ ŽEMAIČIŲ „KURŠIŠKOS“ YPATYBĒS

Seniai žinoma, kad š.v. žemaičiai tam tikrais atvejais vietoj niekad nekirčiuojamo *-e-* turi *-e(i)-* tipo balsį, ypač būdingą priebalsinio kamieno netiesioginiams linksniams, pvz.: vns. naud. *akmenėi*, *dokterėi*, *pėimenėi*, *sėserėi*, (*v*)*õndenėi*, dgs. vard. *smã.genis*; pasitaiko jis ir kitais atvejais: *dūovėnã*, *krė.kėnã*, *lūopėtã* ir kt.

Šį garsą iš seno įprasta aiškinti kaip tam tikrą kuronizmą — kitaip mano tik vienas kitas baltistas (žr., pvz., Endzelīns J. Darbu izlase. — R., 1979, s. 3 (1), lpp. 662). Pamėginus patikrinti tą pažiūrą patikimiausio XVIII a. žemaičių raštijos paminklo — 1759 m. „Ziwato“ — duomenimis, paaiškėjo štai kas.

Iš viso „Ziwate“ užfiksuotos 107 kalbamojo tipo priebalsinių daiktavardžių formos, turinčios prieš kamiengalį *-e-* (= dab. žem. *-e-*). Jos visos (99,06%), išskyrus deminutyvą *akmynelus* 36₁₃ „akmenėlius“ (bet plg. vns. įn. *akmeneleis* 253₁₀), rašomos tik su *-e-* vietoj laukiamo *-y-* = [e]. Pavyzdžiui: vns. kilm. *akmenyis* 62₅, dgs. gal. *akmeni* 107₂₆₋₂₇ (iš viso 35 atv. su *akmen-*), vns. naud. *dukteryi* 112₁₈, dgs. kilm. *Dukteru* 294₂₂ (9 atv. su *dukter-*), vns. gal. *Pyimeni* 155₁₇ (7 atv. su *piemen-*), vns. gal. *seferi* 93₂₂ (16 atv. su *seser-*), *smagienis* 218₁₁, dgs. kilm. *smagenu* 223₂₁, vt. *smagienyfu* 332₁₄ (7 atv. su *smagen-*), vns. gal. *wãndeni* VII₂₁, vt. *wãndenie* 333₂₉ (32 atv. su *wõnden-*). Taip pat tik *-e-* vietoj dabartinio *-e-* rastas visose žodžio *dowena* 34₄ ir kt. bei jo vedinių formose.

Kad „Ziwato“ grafema *e* reiškia atvirąjį [e], nėra jokios abejonės (žr. Baltistica, 1980, t. 16 (2), p. 111 t.), tad iš pateiktųjų faktų plaukia aiški išvada: XVIII a. viduryje š.v. žemaičiai nekirčiuojamų pozicijų *e* dar nebuvo išvertę į *e(i)*. Šis reiškinys atsirado vėliau (pvz., jį jau fiksuoja Valančius), matyt, kartu su galinio *-e* redukcija ir siaurėjimu. Taigi nei apie šios ypatybės kūrėškumą, nei jos morfologinę kilmę, rodos, nebėgali būti nė kalbos.